

"ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ" МЕНЯЮТ КВАРТИРУ

Выход "Петербургского сборника" укрепил репутацию не только натуральной школы, но и самого Некрасова - как поэта и как отличного редактора; окрыленный успехом, он начал думать о новых, более крупных издательских начинаниях, прежде всего о возможности организовать журнал. Время тяжёлой нужды осталось для Некрасова позади, и друзья радовались, что, освободившись от мелкой поденщины, он сможет наконец приняться за большую работу. Благополучие его настолько возросло, что он мог теперь даже помогать друзьям, и едва ли не первую такую помощь он решил оказать постоянно нуждавшемуся Белинскому.

Здоровье Белинского было сильно расстроено, и он мечтал о поездке в Одессу и в Крым, куда звал его Михаил Семенович Щепкин, приглашенный на гастроли по южным городам России. В этом путешествии Белинский надеялся отдохнуть и отвлечься от изнурительного ежедневного труда. Восторгаясь перспективой сделать четыре тысячи верст на лошадах (!), он писал Герцену (6 апреля 1846 года): "Дорога, воздух, климат, лень, законная праздность, беззаботность, новые предметы, и все это с таким спутником, как Михаил Семенович, - да я от одной мысли об этом чувствую себя здоровее".

Однако такая поездка, рассчитанная на все лето, требовала денег, а достать их было негде. За свою подвижническую работу в журнале Краевского Белинский получал жалкую плату, едва позволявшую сводить концы с концами. А ведь уезжая надолго, надо было обеспечить семью, куда-то отправить ее на лето.

И тут на выручку пришел Некрасов. Это было после того, как разошелся "Петербургский сборник". В его автобиографии по этому поводу сказано: "Сборник дал мне чистых 2000 рублей. Я был тогда молод, деньги отдал Белинскому на поездку в Малороссию со Щепкиным".

В той же автобиографии, рассказывая о своих литературных заработках того времени, Некрасов вспоминал, что с 1844 года дела его заметно начали поправляться. "Я без особого затруднения до 700 рублей ассигнациями выручал в месяц, в то время как Белинский, связанный по условию с Краевским, работая больше, получал 450 рублей в месяц".

Летом 1844 года Некрасов уже считал возможным нанимать дачу, судя по всему, недорогую; он поселился в деревне близ Петербурга и даже зазывал к себе в гости литераторов. Так, приглашая В. Р. Зотова участвовать в одном из своих изданий, Некрасов писал ему 19 июля: "Если у Вас есть охота и время, не завернете ли ко мне на дачу - я живу там, куда ходит спасский дилижанс - в самой деревне, близ Муринской заставы, дом крестьянина Ермолая Иванова, № 1".

Григорович, также приглашенный в гости, отметил, что эта "дача" была не более чем простая изба, отдаваемая внаем огородником.

С удивительной быстротой Некрасов к середине 40-х годов уже занял свое место в кружке молодых и талантливых петербургских писателей (кстати, "старых" в этом кружке и не было, только Панаеву и Гончарову перевалило за тридцать). Ему же всего только двадцать пять лет. Давно ли, кажется, он, голодный и бездомный, мечтал о литературных знакомствах и ходил со своими детскими стихами к Николаю Полевому, нынешнему союзнику Булгарина! Давно ли скромный Федор Кони был в его глазах главным представителем журналистики и словесности! А теперь его близкими друзьями стали и Панаев, и сам Белинский, и с Герценом он свел короткое знакомство, погостив у него под Москвой. С конца 1845 года Некрасов стал часто бывать у Панаевых, где встречал радушный прием. С первого же знакомства он был очарован хозяйкой дома. Двадцатилетняя Авдотья Яковлевна, изящная, черноволосая, гладко причесанная (какой мы знаем ее по известному акварельному портрету), с румянцем на смуглых щеках, и в самом деле слыла одной из первых красавиц в Петербурге. Многие из бывавших в ее доме литераторов были тайно или явно к ней равнодушны. Достоевский

влюбился в нее сразу и не на шутку. И нет ничего удивительного, что та же участь постигла Некрасова (хотя она довольно долго не замечала его чувства).

В следующем году он поселился вместе с Панаевыми в большой квартире на Фонтанке, между Аничковым и Семеновским мостами, в доме княгини Урусовой. Некрасову в этой квартире принадлежали две комнаты. Вспоминая то время, современники рассказывают, что он ходил теперь щеголем, и квартира его была обставлена не без изящества.

В доме Панаевых по субботам собирались литераторы - разговаривать, спорить, играть в преферанс. С кем только не встречался в эти дни Некрасов! Здесь постоянно бывал Белинский, в простом, поношенном сюртуке, худой, ссутулившийся, уже с признаками начинавшейся болезни; пристрастившись одно время к картам, он, садясь за зеленый стол, как бы в оправдание себе говорил, что игра служит отдыхом для его головы. Некрасов был всегдашним его партнером.

Часто, но недолго бывал Достоевский, которого привели Некрасов и Григорович. Известно даже, когда именно это произошло - 16 ноября 1845 года сам Достоевский сообщил брату: "Вчера я в первый раз был у Панаева и, кажется, влюбился в жену его. Она умна и хорошенькая, вдобавок любезна и пряма донельзя". Панаевой же в это первое знакомство Достоевский запомнился как худощавый, белокурый, с болезненным цветом лица, с тревожными серыми глазами; она сразу заметила, что это очень нервный и впечатлительный молодой человек.

Гостили у Панаевых и москвичи - приезжал Василий Петрович Боткин; в октябре 1846 года две недели прожил Герцен, писавший жене о хозяйке дома: "Она мила и добра до невозможности"; Тургенев, снимавший дачу в Парголово, тоже останавливался у Панаевых. Словом, здесь уже тогда складывалось то знаменитое "литературное подворье", о котором рассказывает в своих воспоминаниях сама Авдотья Яковлевна. "Ее гостиная или, вернее, столовая двадцать лет была русским Олимпом", - замечает К. И. Чуковский.

* * *

После выхода некрасовских альманахов стало ясно, что их инициатор и издатель прочно связал свою судьбу с отечественной журналистикой. Условия русской жизни этого времени в известной мере благоприятствовали ее развитию, общественное движение поднималось на новый этап - в России складывалась революционно-демократическая идеология, она вытесняла идеологию дворянской революционности. Начинался кризис феодально-крепостнической системы, что предсказывало близость серьезных сдвигов и перемен во всех областях жизни и прежде всего выдвижение на арену культуры широких кругов разночинно-демократической интеллигенции. Начинался отмеченный В. И. Лениным исторический процесс "... полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении..." {В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.}. И центральной фигурой этого процесса, его вдохновителем и теоретиком явился Виссарион Белинский.

В новых условиях переломной эпохи с большой остротой вставали вопросы дальнейшего развития страны, путей формирования национальной культуры; решать их в ближайшем будущем предстояло в основном уже не дворянам, а тем, кто шел им на смену, - детям провинциальных лекарей, городских и сельских священников, мелкопоместных дворян, отказавшихся от своего дворянства. Именно им суждено было выработать новое мировоззрение, определявшееся их близостью к народу, сочувствием его нуждам, и прежде всего - враждой к крепостному праву и всем его порождениям.

Так начиналось большое идеологическое движение, выявлявшее себя в ожесточенной борьбе, связанное с поисками правильной революционной теории и в своем дальнейшем развитии породившее мощный расцвет русской науки, литературы и искусства. С этим движением неразрывно связана и деятельность Некрасова.

Ему пришлось пройти трудный путь, прежде чем он стал тем певцом народа, каким навсегда вошел в его память. Но в том, что он стал им, была своя закономерность. Его природные задатки могли бы вылиться в "Мечты и звуки", в посредственные стихи, каких много. Но он выступил в такое время, когда русская демократия набирала силы, когда обществу нужен был деятель и поэт большого гражданского мужества, страстной преданности народному идеалу. Само время призвало Некрасова, и он понимал это, когда говорил: "Время вывело меня на широкую дорогу".

Лучшим русским журналом преднекрасовской поры были "Отечественные записки". Период расцвета этого журнала начинается с января 1839 года, когда его начал издавать Андрей Александрович Краевский. Как сказано в одном из стихотворений Некрасова,

В ту пору
Пришла охота прожектору,
Который барышей желал,
Обширный основать журнал...

Но какими бы целями ни руководствовался прожектор Краевский, несомненно, смотревший на издание журнала как на коммерческое предприятие, ему нельзя отказать в том, что он умел учитывать потребности времени. Он прекрасно понимал, что новый журнал только тогда добьется успеха, если будет отвечать интересам общества. Исходя из этого, он стремился собрать вокруг журнала лучшие литературные силы.

По приглашению Краевского руководить критикой в "Отечественных записках" взялся Белинский. Переехав в связи с этим из Москвы в Петербург, он с конца 1839 года взял в свои руки критический отдел журнала и вел его около семи лет; именно в эти годы он напечатал здесь важнейшие свои работы и тем самым создал журналу Краевского и популярность и "направление".

Однако союз великого критика и дельца-издателя не мог быть органическим и прочным. К середине 40-х годов в панаевско-некрасовском кружке уже знали, что Белинский тяготится своим положением в журнале и разногласиями с Краевским. Было известно, что издатель всячески пытается ограничить свободу действий своего сотрудника, без стеснений нагружает его мелкой черновой работой. По словам самого Белинского, Краевский перестал замечать, что исключительно ему он обязан "духом и жизнью" журнала. "Он смотрит на меня не как на душу своего журнала, а как на работающего вола, которого трудно заменить".

Отношения с Краевским постепенно обострялись, и наконец Белинский заявил: "Я твердо решил оставить "Отечественные записки" и их благородного, бескорыстного владельца. Это желание давно уже было моею *idée fixe*..." Немного позже он объявил об этом и самому Краевскому, добавив, что с 1 апреля 1846 года считает себя свободным. Краевский не удерживал критика, ибо давно уже с тревогой присматривался к тому направлению, которое он придавал журналу. Считая Белинского человеком беспокойным и опасным, он не раз пытался трусливо смягчать и приглаживать резкие суждения в его статьях. К этому времени уже явно ощущалась потребность в новом журнале, который отразил бы назревание демократических стремлений в обществе и явился органом нового литературного направления - натуральной школы. Острее всех такую потребность в журнале, который мог бы стать трибуной для Белинского, чувствовал Некрасов; он подходил к столь важному вопросу, по словам Анненкова, "с практической точки зрения". Что значат эти слова?

Некрасов, как никто другой, понимал: Белинский без журнала существовать не может - ни по складу своей натуры бойца, ни по причинам материальным ("страшно оставить жену и дочь без куска хлеба"). И если он настойчиво убеждал Белинского бросить "Андрюшку", то, значит, у него уже были планы, которыми он делился с критиком, рисуя перед ним заманчивую перспективу - работать в будущем своем журнале. Только этим можно объяснить, что в письмах Белинского не раз выражена твердая надежда: вскоре его друзья в Петербурге создадут новый журнал, где он будет "полным редактором". Так, 14 января 1846 года он пишет Герцену: "О новом журнале в Питере подумывают многие, имея меня в виду..." А 6 апреля он уже говорит об этом как о деле почти решенном, развивая попутно такую мысль:

"Жизнь - премудренная вещь; иногда перемена квартиры освежает человека нравственно. Поверь мне, что все мы в новом журнале будем те же, да не те..."

Как видно, будущий свой журнал, задуманный в то время, когда заметно оживилось журнальное дело вообще, был постоянной темой разговоров среди друзей Белинского. И нет сомнений, что главная инициатива здесь принадлежала Некрасову. Никто другой из окружения Белинского не отважился бы взяться за столь сложное и смелое предприятие - основать ежемесячный толстый журнал, при этом не имея ни денег, ни необходимого количества сотрудников, да еще в условиях разнообразных цензурных ограничений.

Преимущества Некрасова перед другими участниками кружка подтверждают современники. И. И. Панаев прямо указывает, что Белинский ни в одном из своих приятелей "не находил практического элемента и, преувеличивая его в Некрасове, смотрел на него с каким-то особенным уважением". Сам Некрасов отметил эту свою особую роль в позднейших воспоминаниях:

- Один я между идеалистами был практик, и, когда мы заводили журнал, идеалисты это прямо мне говорили и возлагали на меня как бы миссию создать журнал.

Роль Некрасова была особенно велика не только потому, что он был "практический человек", но, как позднее отметил один из современников, он был "не того предпринимательского склада, который тогда господствовал нераздельно"; русской журналистике "нужен был талантливый человек, понимающий ее задачи, широко на них смотревший, строящий успех журнала не на эксплуатации сотрудников, а на идеях и талантах" (А. С. Суворин).

Вторым практиком среди "идеалистов" оказался Иван Иванович Панаев. Вместе с Некрасовым обдумывал он планы организации своего журнала, потребность в котором стала для всех такой очевидной. Однако даже и практики долго не могли решить одной задачи - чтобы начать задуманное предприятие, нужны были деньги. Половину необходимой суммы (25 тысяч рублей) брался внести Панаев. Но оставалась другая половина...

Вот тут-то они и вспомнили о человеке, который мог бы помочь делу. Осенью 1845 года в Петербурге несколько недель провел "степной помещик" Григорий Михайлович Толстой, только что вернувшийся из Парижа, где он жил подолгу. Панаев, перед этим встречавшийся с ним за границей, разумеется, ввел его в свой кружок, познакомил с Белинским, Некрасовым, Достоевским. Григорий Михайлович был незаурядный тридцатипятилетний человек редкой образованности, обаятельной наружности. Но главная привлекательность Толстого была в том, что, живя во французской столице, он вращался в кругах революционных эмигрантов, был другом Бакунина, который считал его своим единомышленником, был знаком с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. И не просто знаком - Марксу случалось обсуждать с ним политические вопросы, он бывал в парижской квартире Толстого, вел с ним переписку. По слухам, русский барин обещал Марксу, вернувшись на родину, освободить своих крепостных. "Мой дорогой друг" - так в письмах обращался Григорий Толстой к Марксу.

Некрасов и Панаев имели основания рассматривать Григория Толстого как человека своего круга; считали его "как бы одним из заочных членов кружка Белинского, другом Бакунина и прославленных европейских демократов, человеком передовых убеждений" {К. Чуковский, Григорий Толстой и Некрасов, в кн.: "Люди и книги". М., 1958, стр. 24.}. Все это и позволяло Некрасову обратиться именно к Толстому за содействием, а может быть, и привлечь его в качестве одного из основателей будущего радикального журнала.

Как бы то ни было, они решили немедленно собираться в дальний путь - к Толстому. Тем более, что, уезжая из Петербурга, он пригласил к себе на лето в деревню, в Казанскую губернию, и Панаева с женой, и Некрасова, соблазняя его дивной охотой на дупелей в окрестностях своего имения Ново-Спасское.

Это было весной 1846 года. Панаевы выехали в Москву одни, немного раньше, а Некрасов решил сопровождать Белинского, которого в Москве ждал Щепкин, чтобы оттуда пуститься в "южное" путешествие. Перед отъездом из столицы Белинский осуществил давно решенный уход из "Отечественных записок" и разрыв с Краевским. 26 апреля Белинский и Некрасов в почтовой карете ("мальпост") выехали из столицы, и можно не сомневаться, что по дороге они успели поговорить о будущем журнале. Ведь Белинский не мог не знать, куда и зачем едет его спутник. Через день - к вечеру 28 апреля - они добрались до места.

До середины мая время в Москве пролетело незаметно. Перед отъездом Белинского на юг москвичи дали в его честь большой обед, где присутствовали и Некрасов с Панаевыми. А затем, простившись с Белинским, Некрасов и его спутники отправились из Москвы в сторону Казани.

По тем временам это было нелегкое и длительное путешествие. Ехали в тарантасе. Надо было переправляться через реки на паромах, на станциях подолгу ждать лошадей, в больших городах запастись едой. Об этой поездке сохранился один рассказ, почти анекдот: проезжая через город Спасск (Казанской губернии), Некрасов в самом центре, на городской площади, представлявшей собой огромное болото, вздумал... поохотиться - и убил дупеля. Вероятно, именно этот случай он позднее увековечил в поэме "Несчастные", где есть такие строки:

... площадь велика:
Кругом не видно ей границы,
И, слышно, осенью на ней
Чудак, заезжий из столицы,
Успешно ищет дупелей.

Григорий Михайлович Толстой "казался радушным и щедрым хозяином. Гости жили долго и пользовались полной свободой: Некрасов охотился, Панаев совершал дальние прогулки, Авдотья Яковлевна ездила верхом и удила рыбу. В доме было много книг и журналов. Сам Толстой был занят весь день хозяйством, лечением и образованием деревенских детишек, устройством разных нововведений. Вот только освободить своих мужичков ему все как-то не удавалось. Впрочем, и без того его деятельность вызывала негодование соседних помещиков-крепостников.

По вечерам, за ужином, на террасе, выходящей в сад, собирались гости и хозяйева, начинались увлекательные беседы. В один из таких летних вечеров Некрасов заговорил о будущем журнале, и его мысль была встречена Толстым с полным сочувствием. Он изъявил готовность материально поддержать это начинание. Договорились о размерах и сроках взноса и решили немедленно приступить к хлопотам. Окрыленный и полный надежд Некрасов отправился в обратный путь.

Он очень спешил в Петербург. И все-таки, добравшись до Москвы, свернул в сторону, чтобы еще раз навестить Герцена, опять жившего на той же "превеликолепной даче" в Соколове, что и в прошлом году. Некрасову казалось необходимым не только посвятить Герцена в свои планы, но и наладить контакты с московскими литераторами. Многих из них он надеялся встретить в Соколове. И действительно, здесь собрался весь московский кружок, приехали Н. П. Огарев, Т. Н. Грановский с женой, Е. Ф. Корш. Судя по всему, Герцен с большим сочувствием встретил новость - сообщение о журнале. Его не остановила мысль о необходимости расстаться с "Отечественными записками" Краевского. Наталья Александровна, жена Александра Ивановича, решила всерьез помочь будущему редактору и предложила ему из своих средств пять тысяч рублей взаймы, на организацию дела.

В этот второй приезд в Соколово {О второй поездке Некрасова к Герцену в период подготовки издания "Современника" до недавнего времени ничего не было известно. Этот факт установлен М. Блинчевской ("Вопросы литературы", 1971, № 8, стр. 253-256).} Некрасову пришлось присутствовать при известных спорах Герцена и Огарева с Грановским о социализме и материализме - спорах, столь ярко запечатленных в четвертой части "Былого и дум"; к этому же времени, к лету 1846 года, относится стихотворение "Я за то глубоко презираю себя...", к

которому Некрасов в конце жизни сделал такое примечание: "Написано во время гощения у Герцена. Может быть, навеяно тогдашними разговорами".

Организовать новый журнал в то время было невозможно; когда-то Николай I по такому же поводу наложил резолюцию: "И без того много". Резолюция продолжала действовать. Оставался только один выход: купить один из существовавших журналов. Но который из них - "Сын отечества", "Маяк", "Финский вестник", "Современник"? До осени Некрасов и Панаев, по выражению Белинского, метались, отыскивая журнал. Они "толкались во все двери", пока, наконец, перед ними не "отверзлись" двери "Современника", принадлежавшего ректору и профессору Петербургского университета, поэту и критику П. А. Плетневу. На нем и остановились. Оказалось, что Плетнев согласен немедленно передать молодым литераторам свое право на издание журнала. Разумеется, небезвозмездно: он потребовал четыре тысячи в год, но в конце концов согласился уступить. Кроме того, по уговору он получал добавочное вознаграждение в зависимости от числа подписчиков.

* * *

Когда-то, в 1836 году, "Современник" был основан Пушкиным; поэт успел выпустить всего четыре книги. Здесь печатались Гоголь, Жуковский, Тютчев, Кольцов, Баратынский, не говоря уже о самом издателе. Своим зорким глазом Пушкин заметил (и собирался привлечь к работе в журнале) тогда еще молодого критика Виссариона Белинского. Белинский знал об этом и с гордостью повторял, что несколько приветливых слов, сказанных о нем Пушкиным, всегда составляли лучшее утешение его жизни.

После смерти великого Поэта журнал перешел к его другу Плетневу. Но Плетнев иначе смотрел на дело и пытался придать журналу "нейтральный" характер, уберечь его от злобы дня, от литературной полемики. Результаты этих усилий были налицо - журнал "глухо и неслышно тянул свое существование", растеряв почти всех подписчиков: в 1846 году их было ровно 233 (в это же время "Отечественные записки" имели до четырех тысяч подписчиков). Бесцветность плетневского издания вызвала общее недоумение. Гоголь в 1843 году спрашивал самого Плетнева: "Объясните мне, зачем и для чего издает Плетнев свой журнал? Что хочет он сказать им?.. Тощее содержание его тоненьких книжек, неживой, безучастный, вялый и неопределенный слог его суждений обо всем современном задавал только загадку решать: зачем он назван "Современником"?"

Все это объясняет, почему Плетнев с готовностью отказался от издания, которое он завел в тупик. Понятно и то ликование, каким встретили весть о приобретении "Современника" в кружке Белинского и Некрасова. Какие перспективы открывались перед теми, кто жаждал деятельности, труда, кто нуждался в печатном органе для выражения своих идей и взглядов! "Журнал не запачканный, ... и носящий такое удивительное имя!.." - писал Панаев московским друзьям, приглашая их сотрудничать в обновленном и расширенном "Современнике"; "журнал этот с 1847 года столько же мой, сколько и ваш..." На этот призыв в первую очередь откликнулись Герцен, недавно отбывший две политические ссылки, и Тургенев, уже приступивший к этому времени к работе над циклом "Записок охотника". Оба они с первых же дней стали активно поддерживать новый журнал.

Затем начались поиски редактора. Панаев и Некрасов считались лицами неблагонадежными. Пришлось опять обратиться к Никитенко как человеку, с точки зрения властей вполне подходящему для этой роли. За ее исполнение ему положили восемь тысяч рублей в год, и он согласился стать редактором "Современника". Одновременно организаторы журнала принялись за добывание материалов для первых номеров, и тут выручил Белинский: Некрасов уговорил его передать будущему журналу собранные им материалы для давно задуманного альманаха "Левиафан".

Оставалось еще обеспечить необходимое количество подписчиков, и для этой цели Некрасов решил сделать журналу самую широкую рекламу. Специальные афиши на огромном зеленом листе были распространены по городу. Объявления были помещены в журналах и газетах, в частности в "Северной пчеле". По этому поводу литературные противники злоязычили и даже глумились над издателями, уподобляя их торговцам с апраксина двора,

которые беззастенчиво расхваливают свой товар. Даже Панаев находил столь широкую кампанию чрезмерной и дорогостоящей, но Белинский, по словам Панаевой, возражал ему:

- Нам с вами нечего учить Некрасова... мы младенцы в коммерческом расчете. Сумели ли бы мы с вами устроить такой кредит в типографии и с бумажным фабрикантом, как он? Нам на рубль не дали бы кредиту...

Объявление о подписке на "Современник" на 1847 год, написанное, вероятно, Некрасовым, начиналось так:

"Современник", основанный А. С. Пушкиным, а впоследствии с высочайшего соизволения перешедший в распоряжение П. А. Плетнева, с 1847 года подвергается совершенному преобразованию. Редакция "Современника"... переходит к профессору С. -Петербургского университета А. В. Никитенко. Издание же сего журнала, по взаимному согласию и условию с прежним издателем и редактором, приняли на себя И. И. Панаев и Н. А. Некрасов... .. Получив согласие на участие в "Современнике" многих известных русских ученых и литераторов, редактор и издатели в то же время нашли нужным значительно увеличить объем журнала. "Современник" с 1847 года будет издаваться ежемесячно книжками от 20 до 25 печатных листов в большую осьмушку... Книжки будут выходить аккуратно 1-го числа каждого месяца и печататься на хорошей бумаге в одной из лучших петербургских типографий".

Затем, переходя к программе нового журнала, авторы объявления старались намекнуть на его современное и прогрессивное направление:

"Все, могущее интересовать публику и соответствующее программе, направлению и достоинству журнала, будет постоянно иметь место на страницах "Современника". Главная заботливость редакции обращена будет на то, чтобы журнал наполнялся произведениями преимущественно русских ученых и литераторов, - произведениями, достоинством и направлением своим вполне соответствующими успехам и потребностям современного образования... Мелкая, личная и никаких ученых и литературных вопросов не решающая полемика вовсе не будет иметь места в "Современнике".

В тексте перечислялись имена тех ученых и литераторов, которые с 1847 года будут принимать участие в журнале. Стоимость подписки определялась в пятнадцать рублей серебром в год.

Объявление выглядело солидно и должно было заинтересовать читателей. Не ограничиваясь публикациями в газетах, Некрасов рассылал "цветные" объявления в разные города, особенно если там у него были знакомые. Сохранилось, например, письмо его к Н. М. Щепкину (сыну актера), служившему в Воронеже, в котором издатель "Современника" просил его о содействии:

"... Воронеж, говорят, богатый город и многолюдный: там, вероятно, есть люди, выписывающие журналы: если можно, да распространятся же между ними прилагаемые объявления. Русь-матушка велика: скоро ли дойдет до нее, что "Отечественные записки" переменили квартиру и, приодевшись и приумывшись, хотят явиться к ней под именем "Современника"..." (26 октября 1846 года).

Последние слова многозначительны: Некрасов указывает здесь на преемственную связь между двумя журналами и намекает, что после "перемены квартиры" весьма популярный до тех пор журнал Краевского можно уже не выписывать...

Среди забот этой осени немалое место занимала денежная сторона дела. Оплата романов, повестей и стихов, гонорары сотрудникам, расчеты с Плетневым и Никитенко, множество других расходов - на все это быстро ушли деньги, внесенные Панаевым. И тут Некрасов понял, что других денег у него нет.

Двадцать пять тысяч, обещанных Григорием Толстым, он не получил. А в одном из писем "степной помещик" спокойно уведомил Некрасова, что он приступает к хлебной торговле и все деньги употребил на закупку хлеба.

Негодование Некрасова не было предела. Он написал Толстому письмо, объяснив ему, впрочем, очень сдержанно, в какое положение он поставил издателей будущего журнала. По тону этого письма можно понять, что Некрасова тревожило не только отсутствие денег, на которые он имел основания рассчитывать, но, быть может, еще больше - самый факт непостоянства, необходимости, обнаруженных человеком солидным и уважаемым: "Вы, казалось, так хорошо понимали важность в этом деле своевременного получения денег на журнал, Вы так ручались за себя, и Ваши уверения казались мне так дельными и несомненными, что я скорее боялся не получить денег от Панаева, чем от Вас..." (февраль 1847 года).

А денег все равно не было. Правда, в конце концов дело кое-как уладилось. Пришлось наделать долгов, пять тысяч прислала жена Герцена - Наталья Александровна, какую-то сумму внесла Авдотья Яковлевна. Но самый поступок Григория Толстого Некрасов запомнил надолго. И, странное дело, с годами он стал относиться к нему все более снисходительно. Объяснение этому нашел К. И. Чуковский. В работе "Григорий Толстой и Некрасов" он доказал, что Некрасов разглядел в облике Толстого своего рода знамение времени, порождение условий русской действительности.

Оказывается, создавая образ богатого помещика Григория Данкова в романе "Три страны света", Некрасов имел в виду не кого-нибудь, а именно Толстого: он придал своему герою портретное сходство с казанским помещиком, повторил главные черты его биографии и указал его отличительные свойства - жажда деятельности без ясной цели, благие порывы и неумение применять их на практике. Словом, Некрасов в своем Данкове дал ранний набросок того общественно-психологического типа, который позднее стал известен под именем "лишнего человека".

Тема разрыва между словом и делом, невозможность осуществления самых лучших замыслов и стремлений, разные вариации этой темы - от сочувствия тому, кто обречен на вынужденное бездействие, до обличения либерального позерства и красноречия - все это заняло большое место в поэзии Некрасова (образ Агарина в поэме "Саша", лирика). И можно думать, что у реальных истоков этой темы стоит фигура Григория Толстого.

Наконец после многих трудов и хлопот первую книжку нового "Современника" в нарядной светло-зеленой обложке принесли из типографии. 1 января 1847 года было праздничным днем в редакции. Очевидцы вспоминают, что Белинский смотрел на книжку журнала с таким миленьким, с каким смотрит отец на своего первенца, только что явившегося на свет.

Выход первого номера был отмечен торжественным обедом с участием всех сотрудников. С той поры это стало традицией: каждый месяц по выходе очередного номера журнала Некрасов и Панаев устраивали обеды, на которые приглашались писатели, близкие к журналу, все сотрудники.

Первый номер отличался необычайным богатством содержания. Одни только имена авторов должны были напоминать читателю, что "Отечественные записки" действительно "переменили квартиру" и название. Здесь были помещены "Хорь и Калиныч" Тургенева, "Роман в девяти письмах" Достоевского, "Тройка" Некрасова, стихи Огарева и Тургенева, повесть "Родственники" Панаева; в отделе публицистическом и научном - "Из записок артиста" Щепкина, историческое исследование К. Д. Кавелина "Взгляд на юридический быт древней России", направленное против славянофилов, критический очерк переводчика А. И. Кронеберга "Последние романы Жорж Санд", статья Никитенко "О современном направлении русской литературы", а также "Письмо из Парижа" Анненкова. В качестве бесплатного приложения к № 1 подписчикам были разосланы отдельное издание романа Герцена "Кто виноват?" (хорошая "пилюля" Краевскому!) и роман Жорж Санд "Лукреция Флориани" в переводе того же Кронеберга.

Критический отдел журнала украшали три рецензии Белинского и его статья "Взгляд на русскую литературу 1846 года". В этой статье, носившей открыто программный характер, идейный руководитель журнала твердой рукой определял его литературную политику. Статья была проникнута заботой о необходимости направить русскую литературу по пути реализма, сделать ее подлинным органом общественного самосознания. "Если бы нас спросили, - писал Белинский, - в чем состоит отличительный характер современной русской литературы, мы отвечали бы: в более и более тесном сближении с жизнью, с действительностью, в большей и большей близости к зрелости и возмужалости..."